

С. М. Климова⁷**ВИЗУАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ПОХОРОН КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ**

Сегодня визуализация фактов и процессов исторической и повседневной жизни выступает одним из распространенных исследовательских приемов в культурологии, социологии, антропологии, журналистике.

Предметом нашего внимания станет визуализация недавних событий, явившихся своеобразными маркерами элементов русского национального самосознания. Это — анализ фоторепрезентации двух похорон: прощание с убитым в ночь на 28 февраля 2015 года известным политиком-оппозиционером Б. Е. Немцовым и прощание с русским писателем В. Г. Распутиным, умершим в больнице 14 марта 2015 года, за день до своего 87-летия. Похороны, включающие семантику прощания с умершими и акты погребения, являются важнейшими символами любой культуры, отражением ее фундаментальных архетипов. Перефразируя известного культуролога Л. Г. Ионина, который ввел в обиход понятие «некросоциология», можно сказать, что по тому, *как* мы прощаемся-хороним, почитаем наших соотечественников, можно судить о нашем национальном самосознании.

Национальное самосознание — сложный нравственно-мировоззренческий конструкт, который имеет набор базовых черт, характеризующих любой этнос, и периферийных характеристик, связанных с бытованием различных нарративов о реальных или мифологических ситуациях, о героях и антигероях, о мораль-

⁷ Профессор школы философии Высшей школы экономики, доктор философских наук. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч. статей: «Логомифия Мих. А. Лифшица как преодоление “исторического бреда”», «Реформа высшего образования: “Свои” и “Чужие”», «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Размышления участника Лихачевских чтений, сидящего на балконе», «Барьеры и помощники на пути карьерного роста женщин-деканов в системе высшего образования: поисковые исследования во Вьетнаме», «Гуманитарная экспертиза трансгуманистических проектов» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

ных установках и т. д. Важную роль, безусловно, играют способы формирования национального самосознания, включающие и рациональные, и иррациональные установки. Практически все можно выявить, описать и сознательно позиционировать внутри этноса. А вот визуализация необязательно является контролируемым процессом и зачастую протекает стихийно. Поэтому визуальный ряд важных для нации процессов и событий может стать маркером каких-то ее явных, и особенно латентных, установок.

В связи с этим целесообразно обратиться к методологии «иконического поворота»¹, позволяющего переключить внимание с вербального анализа к визуальным репрезентациям социально-культурных реалий. «Господство нового средства коммуникации изменяет существо восприятия, что в конечном итоге ведет к изменению понятия реальности»². Современный человек тотально втянут в водоворот визуального мировоззрения, которое перестало восприниматься как какой-то объективный и отстраненный *взгляд* на мир, событие или объект, но стало его *мировидением* (неким образным выражением умо-зрения), соединяющим смотрящего субъекта с его же собственным конструированием реальности, на которую он смотрит. Посредниками выступают объектив, камера, визуальные гаджеты, играющие роль «очков» реальности, ставших оптическим «дьяволом визуализации» (В. Бачинин).

Рассмотрим фотоархивы упомянутых событий. Если для науки второй половины XX века принципиально важным было утверждение о том, что фото — это документ реальности, до такой степени объективный, что в нем есть нечто от смерти и воскрешения (Р. Барт), то сейчас ясно, что любая фотореальность есть система визуально представленных (постановочных) образов, которые *мы воспринимаем* как реальность. Фотография — не просто сертификат присутствия (Р. Барт), она становится доказательством реального существования и мира, и человека, и события. Сегодня ситуация включения субъекта в мир визуальных репрезентаций является доказательством его собственного существования и принадлежности к определенному, также визуализированному, сообществу с его ценностями, моралью, идеями и т. д. Нагляднее всего это демонстрирует фото типа selfie. «Я», сам себя фотографирующий на фоне событий, становлюсь гарантом реальности «фона»³, как одновременно и наглядным доказательством того, что я существую, принадлежу «фону» ценностно и оценочно (принимаю его или протестую против него). Желание стать непосредственным участником «реальных событий» благодаря разным формам технической обработки оборачивается психологической потребностью не только в визуальной самоидентификации, но и идентификацией идейной, культурной, национальной в том числе.

¹ См.: Орех Е. А. Визуальные методы в изучении социального пространства города // Человек. 2014. № 6. С. 35–36.

² Савчук В. В. Философия фотографии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 10.

³ В этом контексте можно по-новому прочесть строки Окуджавы, наполнив их глубоко ироническим и, увы, как оказалось, пророческим смыслом, когда Пушкин стал лишь «фоном» для снимающегося семейства и только благодаря этому факту «существует» в истории и значим для этого семейства.

Используя некоторые методики социологического и культурологического анализа фотографий с мест событий, выложенных в Интернете и социальных сетях, мы попытались раскрыть некоторые элементы российского самосознания и способы его семиотизации.

Эмпирическая база исследования:

- 1) официальные фотографии;
- 2) постановочные фотографии — монтажи участников действий, кодирующих определенную аксиологическую символику;
- 3) создание пространства selfie как переключение события «на себя»;
- 4) использование вербальных элементов в визуальных материалах: слов и выражений для маркировки идейных тезисов участников фотосъемок;
- 5) символизация мест и символизация пространства и его границ в акте прощания и похорон.

Какие ассоциации вызывают фотоотчеты с траурных мероприятий? Смерть и похороны/прощание, как и отношение к ней, традиционно характеризуют многие элементы национального самосознания. Особенный символизм они обрели при похоронах и прощании с Б. Е. Немцовым и В. Г. Распутиным.

Б. Е. Немцов — символический образ перестройки, эпохи перемен, развала империи — Советского Союза, один из разрушителей традиционных ценностей и социальных устоев прошлого века. Он — представитель современной российской интеллигенции левого толка, весьма схожей по своим характеристикам с русской революционной интеллигенцией двух прошлых веков: его отличала страсть к действиям-преобразованиям, ориентация на Запад, оппозиционность официальным властям (звучит парадоксально, так как он почти все время был представителем власти). Между современной оппозиционной интеллигенцией и народнической (XIX в.), однако, есть принципиальное отличие: нынешнюю не волнует «народ», интересы которого были самозначимы для прежней русской интеллигенции. Как прошлая, так и сегодняшняя либерально и радикально настроенная интеллигенция оперируют в своих построениях (программах) принципами абстрактного гуманизма и такой же риторикой.

В. Г. Распутин — великий русский писатель-деревенщик, почвенник, «нравственник» (выражение А. Солженицына), последний апостол русской земли и своего народа; он никогда ничего не разрушал и никого к подобным действиям не призывал. При этом его произведения и гражданские акции полны протеста против уничтожения русского человека, живущего на земле, против бесчеловечной экономики, политики и городской цивилизации. Он не был оппозиционным интеллигентом, но он был плоть от плоти русского крестьянства, которое всегда было синонимом «русского народа»; поэтому в традициях русской культуры о нем уместнее было бы сказать как о представителе русского народа, ставшем его символом.

Что же мы обнаружили в ходе анализа фотоматериалов похорон/прощания с двумя символическими представителями русского общества?

Теперь к фактам. Во-первых, и официальные, и постановочные фотографии зафиксировали наличие би-

нарной асимметрии похорон/прощания: в прощании с Б. Е. Немцовым участвовали десятки тысяч его поклонников, разделяющих не только законное негодование против насильственного убийства человека, но и его оппозиционную точку зрения, то есть идеи оппозиционной интеллигенции. Отпевание/прощание с В. Г. Распутиным привлекло внимание нескольких сотен граждан, включая представителей власти и духовных лиц. Интеллигенции там практически не было, за исключением некоторых деятелей культуры. Естественно, на первых похоронах официальных лиц не было, на вторых были и президент, и ряд членов правительства. Отпевал писателя патриарх Кирилл.

Во-вторых, фотоматериалы прощания с Б. Е. Немцовым позволяют безошибочно зафиксировать идею «смерти героя». Насильственная смерть превратила фигуру оппозиционера в героический образ жертвенника во имя свободы, борьбы с властью. Герой — традиционный образ «протестного» революционного сознания, подлинный символ российской интеллигенции («болотной»), активных или пассивных борцов с режимом. Его образ был мгновенно мифологизирован, а имя приобрело символическую коннотацию «Борись». Появились фото, призванные создать мифологему мученичества на манер первомученичества христиан. Христианская символика усилена сотнями свеч вокруг его портретов и места убийства и прощания. Русский оппозиционер по законам жанра превратился в «святого мученика». Святые герои — типичный образ революционной интеллигенции. Наличие огромного потока людей на его похоронах должно было продемонстрировать властям и обществу силу и мощь оппозиции.

Что же репрезентирует фото демонстрации прощания?

Первое, поверхностное, восприятие — масштабность политизации и идеологизации настроений интеллигенции, которая в разы превышает интерес к народному писателю, а через него — к литературе, русской традиционной культуре и косвенно к самому народу.

Весьма символически места прощания с Б. Е. Немцовым и В. Г. Распутиным: прощание с первым проходило в *Сахаровском центре*, идеологическом символе инаковости-оппозиционности официальной России. Распутина отпевали в *Храме Христа Спасителя* — официальном символе русского православия, русской духовности. Место его подлинного прощания — город Иркутск, символ русской провинции — русского мира, весьма отдаленного и пространственно, и духовно от столицы и ее идеологических волнений. Другое место, прочно ассоциирующееся с убийством и прощанием с Немцовым, отражено в траурном марше памяти — это *Кремль*, на фоне которого происходил ряд текущих событий: его убийство, многотысячная демонстрация-шествие (марш)¹ соратников с его портретами 1 марта, фактически на глазах (или под пристальным оком) ненавистной власти.

¹ «...на шествие, которое власти неожиданно разрешили провести в центре столицы, пришли не менее 50 тысяч человек. Марш прошел практически без происшествий. Его участники с цветами и российскими флагами в руках прошли от Китай-города до места убийства Немцова на Большом Москворецком мосту». URL: <https://meduza.io/feature/2015/03/01/eti-puli-v-kazhdogo-iz-nas>

Таким образом, пространство похорон/прощания было определено двумя официальными символами России — *Кремлем* и *Храмом Христа Спасителя* и двумя неофициальными — *Сахаровским центром* и *русским городом в Сибири*.

Как это ни парадоксально звучит, но визуальный ряд позволяет нам показать оппозицию двух официальных пространств — Кремля и Храма Христа Спасителя и двух неофициальных — *Сахаровского центра* и *Сибири*. Кремль, Красная площадь, Васильевский спуск и так далее, портреты героя и демонстрационная форма движущейся толпы провожающих оказались в одном семантическом пространстве с официальной государственной властью. Храм Христа Спасителя выполнил свою классическую функцию духовного прощания и уединенности в таинстве отпевания. Эти два локуса продемонстрировали полное соответствие тем акциям, которые в их границах разворачивались, то есть становится очевидным санкционирование, разрешение, одобрение этих действий властью и церковью.

Второй пространственный маркер — марш памяти в районе Красной площади по прилегающим улицам — не столь семантически очевиден, но вполне репрезентативен; он отражает традиционную символику культуры демонстраций и шествий в России еще с советских времен. Именно визуальная картина демонстрации прощания с оппозиционным политиком подтверждает идею лояльности данному действию со стороны властей, а проход на фоне Красной площади визуально схож с первомайскими демонстрациями советского периода, что наводит на мысль о негласной организации данного мероприятия вышестоящими структурами. Движение «народа» с портретами «вождя» — закрепленный образ единения с властью. Возникает обидная для оппозиции идея организации властью протестного движения в России и манипуляции им. Огромное количество участников ассоциируется с традиционной для властей принудительностью массовых заказных мероприятий, побуждающих людей участвовать в них.

Ситуация со вторым прощанием совсем иного типа. Она официально организована и проведена по регламенту принятой культурной традиции и практики религиозной жизни. Но практическое отсутствие масс, шествий, потока официально скобящихся показывает нам все особенности происходящего. Присутствие президента и патриарха на отпевании В. Г. Распутина — достаточный повод для организации масштабных действий, что было легко сделать. Их отсутствие позволяет предположить формальное отношение присутствующих к акту прощания. Непостановочность происходящего очевидным образом вытекает из увиденного.

Кого же отпевали в Храме Христа Спасителя и кто отсутствовал в очаге духовного центра России? Вопрос странен, а ответ очевиден: в Храме Христа Спасителя 18 марта 2015 года прошли тихие проводы русского человека и русского народа, не замеченные шумной оппозиционной интеллигенцией, нашими героями. Отсутствие масс в храме — символ утраченного Россией: потери почвы, русского крестьянства, русского народа.

Хотелось бы затронуть еще один момент визуализации данных событий — это реакции людей, отражающие ту или иную степень их самоидентичности. В коммуникативной реакции на реальность, зафиксированной либо участником событий (селфи), либо официальной хроникой, либо неофициальными лицами, мы видим, с одной стороны, непосредственный эмоциональный отклик людей на событие, а с другой — проявление специфики современного самосознания в моменты экзистенциальных переломов. Самосознание через селфи: селфи — это новый тип визуализации субъективной оценки происходящего.

Посмотрим на реакцию людей при прощании с Б. Е. Немцовым в Сахаровском центре и с В. Г. Распутиным в Сибири (последних практически нет в Интернете). Фотографии запечатлели живые реакции людей на скорбное событие, но в то же время они показывают подготовленность этих реакций (через коллажи, смонтированные фотографии героя, самопиар, заранее приготовленные и принесенные плакаты). Наблюдается специфически современная ситуация использования события для самопозиционирования: речь не только об официальных фотографиях — напоминаниях и до-

казательствах принадлежности к группе, но и о фотографиях-селфи на фоне событий; здесь, конечно, реакция не может быть неподготовленной, тем не менее это тоже способ идентификации со своей референтной группой.

На фото из Иркутска нет ни известных медийных лиц, ни селфи; как известно из официальных источников, с В. Г. Распутиным пришли проститься 15 тыс. его земляков. Траур по русскому писателю был объявлен только в этом городе (2,5 млн жителей), что еще раз подтверждает суживание пространства русской культуры до одной локальной точки на карте великой оппозиционной России. Рассмотрение визуальных образов последних значимых событий в нашей стране порождает вопрос о том, кто в нашей стране находится в оппозиции — интеллигенция или народ.

Конечно, мы понимаем ограниченность метода визуализации социально-культурных символов и смыслов. Проведенный анализ зафиксировал противоречивость современного национального самосознания. Является ли это естественной нормой его бытования или может повлечь негативные последствия в дальнейшем — вопрос, требующий более масштабного изучения, чем приведенное исследование.